

— Хозяин, согласно моим исследованиям, на Земле действительно многие люди используют похожий метод, изучая только то, что им нужно. Например, человек, живущий за границей, в первую очередь осваивает устную речь. Возможно, когда он уже сможет бегло общаться, попросить его написать что-то в официальном стиле окажется сложной задачей. И наоборот. Но это не абсолютное разделение, скорее смещение акцентов в определённом направлении, — быстро нашёл ответ Ань Синь.

— А какие языки ты знаешь? — не сдавался Юйвэнь Хао.

Если бы не приличия, он бы уже заговорил с Ань Жанем по-английски, а потом попросил бы Лин Чэ попробовать французский или японский, чтобы проверить уровень владения Ань Жаня.

— Английский, французский, русский, испанский, корейский, японский... и ещё несколько, названия забыл, — перечислил Ань Жань.

В любом случае, если он услышит язык, то поймет его. Разве названия так важны? Ань Жань считал, что нет.

Ань Жань не был невеждой и понимал, что знание такого количества языков — это нечто невероятное. Хотя сам он этого не ощущал, он видел данные, собранные Ань Синем. Но он также знал, что не он один способен на такое. Поэтому, хотя в глазах окружающих он и выглядел гением, это не делало его единственным, а значит, не создавало лишних проблем, но повышало его ценность.

Главное, это был шаг к тому, чтобы унижить Ань Юньсяна и подготовить всех к его гениальности, не так ли?

— Ань Синь, мне кажется, я становлюсь всё более чутким, — мысленно обратился Ань Жань к Ань Синю.

— Хозяин всегда был очень чутким, — ответил Ань Синь.

Эта бесстыжая парочка хозяин и слуга!

Юйвэнь Хао решил, что больше не стоит открывать рот. Рядом с Лин Чэ он и так чувствовал себя подавленным, но хотя бы они были сверстниками. А этому Ань Жаню всего 15 лет! Разница почти в 10 лет! Как он успел выучить столько всего? Неужели дело не во времени, а в том, что у самого Юйвэнь Хао просто катастрофически плохие способности к языкам? Поэтому, несмотря на годы учебы, он так ничего и не добился?

Подумав так, Юйвэнь Хао решил, что больше не будет мучить себя языками. Лучше сосредоточиться на том, к чему у него есть талант, например, на бизнесе.

Если бы Юйвэнь Хао знал о реальных достижениях Ань Жаня, он бы, наверное, начал сомневаться в смысле жизни.

— Ты умеешь играть на фортепиано? — спросил Лин Чэ.

Он чувствовал, что его любопытство к Ань Жаню растёт с каждой минутой. Стоило Ань Жаню появиться в поле зрения, как Лин Чэ не мог отвести от него взгляд.

— Умею. Хочешь послушать? — Ань Жань легко прочитал в этом вопросе скрытый смысл.

В отличие от Юйвэнь Хао, который собирался его проверить, в глазах Лин Чэ читалась искренняя надежда.

Действительно, услышав ответ, взгляд Лин Чэ ярко вспыхнул. Сейчас он был более юным и наивным, чем два года спустя. Возможно, дело было в обстановке. Когда Ань Жань в прошлой жизни встретил его в тренировочном лагере, тот был холоден, словно ни что в мире не могло вызвать у него эмоций.

В прошлой жизни, когда Ань Жаню было 15 лет, он был изнасилован дворецким. Тогда он был ещё очень наивен и простодушен, много лет не покидал виллу и, кроме телевизора, его единственным собеседником был дворецкий. Не имея других примеров для сравнения, он не понимал, что дворецкий к нему плохо относится. Он доверял ему и был привязан к нему, но именно поэтому жестокое предательство причинило ему ещё большую боль. Дворецкий намеренно раскрыл ему правду, которая разрушила его мир.

Под ним, издеваясь, дворецкий с презрением рассказал ему те правды, которых тот так долго не знал: что его отец даже не подозревает о его существовании, что он — незаконнорожденный сыночек неизвестной матери, и о том, что натворили его дед и Ли Лань. Чтобы причинить ему ещё больше боли, дворецкий специально подчёркивал, как сильно его отец любит Ань Юньсяна и Ань Юньтин... Тогда Ань Жань был в шоке, плакал и умолял дворецкого отпустить его, но эти слова, как клеймо, навсегда врезались в его память.

Позже дворецкий передавал его разным мужчинам, мучая его таким образом два года, а когда Ань Жаню исполнилось 17, продал его в тренировочный лагерь для рабов особого назначения. Он провёл там целых два года, пока не появился Лин Чэ.

Его привели к Лин Чэ вместе с группой других людей, чтобы тот мог выбрать себе развлечение. Лин Чэ просто указал на него в толпе, и его тут же подарили «гостю». Лин Чэ не отказался, но заплатил полную цену, чтобы не быть обязанным хозяину лагеря и сохранить лицо.

Конечно, он понял это гораздо позже. Тогда он был в полном оцепенении, его таскали с места на место, как вещь, и два года тренировок почти заставили его забыть, что он человек. Он был похож на раба, на марионетку: с улыбкой на лице, но пустыми глазами, в которых читалось лишь повиновение. Когда он наконец пришёл в себя и осознал, что его вывезли из этого ада, нахлынули долгожданные, но такие сильные чувства уязвимости и тоски, что он еле выдержал. Он посмотрел на Лин Чэ с надеждой, но увидел лишь ледяное безразличие.

Теперь, начав жизнь заново, он видел, как Лин Чэ смотрит на него с ожиданием. Это было похоже на перевернутый круг сансары. Но он не отказал Лин Чэ. После того как тот кивнул, Ань Жань что-то сказал Ань Цзычэну, и они вместе подошли к роялю в банкетном зале.

— Здравствуйте, можно мне воспользоваться фортепиано? — обратился Ань Жань к пианистке, нанятой для вечера.

Пианистка была молодой женщиной, и вопрос Ань Жаня её удивил. Сама она не возражала, но помнила, что всего лишь наёмный сотрудник и не имеет права принимать такие решения. В этот момент Юйвэнь Цин и другие подошли посмотреть, что будет происходить.

— Сделайте, как он просит, — сразу распорядился Юйвэнь Цин.

Женщина кивнула, улыбнулась, уступила Ань Жаню место и отошла в сторону, стараясь быть незаметной.

— Цзычэн, садись, — предложил Ань Жань.

Хотя играть он согласился по просьбе Лин Чэ, место рядом с собой он уступил Ань Цзычэну. В конце концов, с Лин Чэ они пока не были близки, не были они близки и в прошлой жизни. Особое отношение к нему Ань Жань испытывал лишь из-за той былой благодарности.

Ань Цзычэн не отказался и сел.

Лин Чэ, Юйвэнь Хао и Юйвэнь Цин стояли сбоку. Лин Чэ испытывал лёгкое разочарование: он очень хотел занять место рядом с Ань Жанем, но понимал, что нельзя слишком спешить. То, что Ань Жань согласился сыграть по его просьбе, уже было огромной честью.

В музыкальной базе Ань Синя хранились не только земные шедевры, но и выдающиеся произведения с других планет. Музыка, исполняемая на инструментах, универсальна, в отличие от языка, где нужно учитывать произношение и понимание слушателя. Ань Синь не разделял музыку на земную и инопланетную, и Ань Жань тоже никогда не обращал на это внимания. Поэтому теперь он просто выбрал произведение, которое подходило к его настроению.

Играя, он время от времени оборачивался к Ань Цзычэну и улыбался, не переставая играть. Это напоминало то, как одни люди печатают, глядя на клавиши, а другие могут делать это вслепую, доверяя руке. Ань Жань принадлежал ко вторым: казалось, расположение клавиш было вечно в его памяти. Мелодия была радостной и лёгкой, ведь настроение у Ань Жана было отличным.

Почему же он был в таком хорошем настроении?

Конечно, потому что только что поставил на место Ли Чуна с сыном, а скоро должны были прийти Ли Лань и Ань Юньсян. Одна лишь мысль об этом вызывала у него непроизвольное волнение.

Если бы он просто хотел их смерти, для нынешнего Ань Жана это было бы очень легко. Нанять киллеров из Аньду или сделать всё своими руками — и никто ничего не узнает. Не важно, насколько высок статус семей Ань и Ли в Хуася, даже президент страны может нечаянно попасть в беду. Учитывая уровень киллеров из отдела убийц Аньду и при поддержке Ань Синя, уничтожить всю семью Ли не составило бы труда.

Но Ань Жань считал такой способ мести слишком примитивным. Он хотел действовать медленно: сначала сломить их душевно, а затем физически. Сегодня был лишь первый шаг к его плану.

Он хотел, чтобы Ли Лань почувствовала, будто он отобрал у неё мужчину. Он хотел, чтобы Ань Юньсян и Ань Юньтин почувствовали, будто он забрал у них отцовскую любовь. Он хотел, чтобы они видели, как Ань Цзычэн встаёт на его сторону, защищая его, человека с неясным происхождением, а не их — свою законную жену и детей. Он хотел, чтобы их сжигала ревность, чтобы они начали придумывать коварные планы и использовать грязные методы.